

Двадцать первое марта – день семейного банкета Чэньхуа.

Для членов семьи Чу эта дата была куда значимее любого другого праздника. Лишь раз в году в этот день потомки семьи Чу, разбросанные по всему миру, собирались здесь, в родовом гнезде.

Правила приема были старыми, чопорными и суровыми: существовал строгий, незыблемый порядок, в соответствии с которым даже младшее поколение должно было входить в старую резиденцию.

За неукоснительным соблюдением этой традиции следил старый дворецкий резиденции – дядя Чэн.

Этот человек, следовавший за Чу Хуайчэнем с подросткового возраста, сейчас был уже в преклонном возрасте, под восемьдесят, но его спина по-прежнему оставалась прямой, словно сосна.

Его седые волосы были причесаны волосок к волоску, на костюме не было ни единой случайной складки, платок в кармане лежал идеальным треугольником, а узел виндзорского галстука был завязан безупречно ровно.

Он в точности соответствовал классическому образу самого традиционного английского дворецкого, даже в чем-то превосходя этот стандарт.

Эта удушающая благопристойность полностью гармонировала со старомодным семейным укладом, который всегда поддерживала семья Чу.

Несколько подростков, сбившись в тесную кучку, тихо жаловались:

– Зачем так официально одеваться? На дворе какой век?

Не успели они договорить, как позади раздался сухой стук трости из черного дерева о пол. Тела ребят мгновенно напряглись, и в душе они проклинали свою неудачу.

– Господа, – раздался строгий голос дяди Чэна. – Это главный дом семьи Чу, день семейного банкета Чэньхуа. Каждый обязан соблюдать правила и проявлять подобающее воспитание и манеры.

Ребята тут же притихли, поспешно поправили одежду и слегка поклонились. Не смея быстро уйти, они сохраняли степенную, нарочито медленную походку истинных джентльменов.

Прихожая была заполнена гостями, которые вежливо обменивались любезностями, снуя между залом и садом.

Мужчины держались непринужденно, дамы изящно улыбались – каждый стремился продемонстрировать свою расслабленную манеру поведения, накопленную за год.

В конце концов, после сегодняшнего дня им снова предстояло вернуться в свои круги, полные тонкой настороженности и скрытого соперничества, и лишь эти редкие возможности позволяли им проявить хоть немного искреннего дружелюбия и близости.

Тяжелее всего приходилось младшему поколению.

Их буквально запихивали в сшитые на заказ костюмы, а галстуки-бабочки с логотипом Ré, символизирующие статус, туго стягивали их короткие шеи, отчего дышать становилось по-настоящему трудно.

Несколько мальчишек с тоской смотрели на идеально подстриженный газон, но взрослые незаметно и крепко хватали их за запястья.

- Это очень невежливо, - с мягкой улыбкой наставляла мать. - Джентльмены так себя не ведут.

- Но брат Чу Юнь не сидит смирно...

Ребенок не успел договорить пример, доказывающий, что ему тоже «можно», как ему тут же зажали рот рукой. Мать ребенка вспомнила, что и такой жест крайне «невежлив», и снова нацепила на лицо изящную улыбку, чтобы скрыть неловкость.

А вот «отрицательный пример» - Чу Юнь - развалился на диване, выглядя до неприличия расслабленным. Его белая рубашка, которая по всем правилам должна была быть застегнута на все пуговицы, имела небрежно закатанные рукава, обнажавшие бледные запястья.

Все остальные, сидя или стоя, поддерживали безупречные позы, словно их измерили линейкой.

Только он, со своими слишком длинными волосами и серьгой с бриллиантовой подвеской, раскачивался на спинке дивана, лениво постукивая пальцами по подлокотнику. В уголках его глаз читалось нетерпеливое «не беспокоить».

Вокруг него словно существовал невидимый барьер, отделявший его от всех присутствующих.

Его красота была настолько яркой и пронзительной, что ее невозможно было игнорировать, даже если бы его бросили в самую густую толпу, но родственники, элегантно беседующие неподалеку, намеренно делали вид, что он - пустое место. Их взгляды автоматически обходили его стороной, и никто не приближался к дивану ближе чем на пять шагов.

Даже если бы он не выглядел таким раздраженным, к нему все равно бы никто не подошел.

«Ни в коем случае не приближайтесь к этому неконтролируемому психопату» - это наставление дети из боковых ветвей семьи Чу знали наизусть.

Но кто на самом деле был психопатом?

Маленькие дети не могли этого понять.

Они лишь изредка оглядывались, передвигаясь по залу, боясь, что легендарный демон внезапно выскочит откуда-нибудь из тени.

Согласно закону Мерфи, чего больше всего боишься, то с тобой и случится.

В диван Чу Юня случайно врезался ребенок. В шумной гостиной на мгновение воцарилась звенящая тишина, но вскоре, чтобы показать, что никто ничего не заметил, все как ни в чем не бывало продолжили беседу.

Мальчик замер с открытым ртом на несколько секунд, и в его голове всплывали бесконечные напоминания матери о том, с кем обязательно нужно быть «вежливым и благовоспитанным».

Он глубоко вздохнул, его личико напряглось, став похожим на лицо маленького старичка, и он

сделал чересчур стандартный, почти механический поклон:

- Брат... брат Юнь, здравствуйте. Про... простите.

Чу Юнь приподнял бровь, медленно оглядел его с ног до головы и, понизив голос, решил подшутить:

- Я разозлился.

Малыш тут же запаниковал.

Чу Юнь уставился на него и внезапно с абсолютно каменным лицом издал громкий звук: «Ау-у!»

Ребенок застыл, а затем, путаясь в собственных ногах, поспешно сбежал с места происшествия.

Комичный вид его убегающей спины заставил Чу Юня невольно улыбнуться.

Дядя Чэн, опираясь на трость, медленно прошел через зал, оглядывая чинно ведущих себя младших членов семьи. Каждый ребенок вел себя подобающе, и в глазах старого дворецкого читалось глубокое удовлетворение.

Но когда его взгляд упал на фигуру, развалившуюся в углу на диване, уголок его рта слегка дернулся.

- Младший господин.

Услышав голос, Чу Юнь прикрыл лоб рукой и тихо вздохнул.

Он неохотно сменил позу, опустил руку и обратился к старику:

- Дядя Чэн.

- Посмотрите на этих детей, все они такие послушные и воспитанные, - дядя Чэн иносказательно похвалил чужих детей, с надеждой глядя на своего подопечного.

Его взгляд сначала упал на закатанные рукава, затем на голую шею без галстука, а в конце - на серьгу в черных волосах, которая буквально слепила старика. Его взгляд непроизвольно забегал, и он внезапно почувствовал, как подскочило давление.

- Если кто-то из них вам приглянулся, договоритесь и заберите в резиденцию, пусть живут у вас, - серьезно ответил Чу Юнь. - Уверяю, они будут только рады.

Дядя Чэн осекся, крепко сцепив руки на рукояти трости.

Чу Юнь вовсе не хотел злить старика. Увидев, что уголки его губ опустились, он встал, обнял его за плечи и, наклонившись к самому уху, с улыбкой произнес:

- В последнее время я веду себя очень послушно. Если не верите, спросите старшего брата или сестру, они могут подтвердить.

Почувствовав такие нежные объятия, дядя Чэн не смог удержать строгое выражение лица, и его морщины разгладились в легкой, теплой улыбке.

Однако тон его оставался наставительным:

- Вам следует чаще возвращаться сюда, а в резиденции Чжоуинь бывать пореже.

Если бы кто-то другой сказал такое, Чу Юнь уже взорвался бы, но он не собирался менять взгляды восьмидесятилетнего старика.

Для дяди Чэна Ши Цзянь, живущий в резиденции Чжоуинь, был своего рода Дацзи, из-за которой их младший господин «не выходит к утренним аудиенциям», что было крайне непристойно.

Он все надеялся, что этот господин Ши проявит хоть немного самосознания и хотя бы будет чаще убеждать младшего господина принимать больше участия в управлении Чэньхуа.

Глядя на ребенка, который вырос до невероятного сходства со своей матерью, дядя Чэн не мог не погрузиться.

Он вспомнил прошлое.

День банкета напоминал ему о маленьком Чу Юне: накануне пухлый младший господин всегда послушно стоял перед зеркалом, пока дядя Чэн лично поправлял ему рукава и галстук.

Его благовоспитанный вид и манеры маленького принца были такими, с которыми не мог сравниться никто из присутствующих.

Кто бы мог подумать, что всего через десять с лишним лет маленький принц, которым так гордился дядя Чэн, станет полной противоположностью, вызывая лишь глубокую скорбь.

Во всем виноваты те люди.

Подумав об этом, дядя Чэн невольно вздохнул, но в глубине его глаз промелькнули жалость и любовь.

Чу Юнь тут же это заметил.

Не вынося ежегодных моментов сентиментальности, он поспешно нашел предлог и ушел.

Он поднялся на второй этаж. В комнату, где он жил в детстве, никто не смел входить без спроса. Опершись на перила балкона, он вспомнил то, что происходило перед самым уходом.

- Чего застыл? Переодевайся и поехали со мной, - нетерпеливо бросил Чу Юнь, оглядывая Ши Цзяня, который в домашней одежде занимался цветами.

Ши Цзянь замер.

Стоявший позади Ли Чжися тоже выглядел так, будто случилось нечто ужасное:

- Господин, это...

На семейный банкет никогда не приглашали посторонних, это правило соблюдалось уже более полувека.

- Я похож на того, кто шутит? - Чу Юнь повернул голову и холодно взглянул на него.

Ли Чжися втянул голову в плечи, но все же тихо проговорил:

- Если господин Ши поедет, будет не очень хорошо...

Его голос становился все тише. На самом деле он искренне беспокоился о Ши Цзяне.

Если тот действительно поедет, для него настанет настоящий ад.

Неизвестно, сколько высокомерных, презрительных голосов раздастся в его адрес. Ли Чжися даже в мыслях было трудно представить эту сцену.

- Сегодня прием у доктора Жуаня, - вовремя вмешался Ши Цзянь.

На самом деле Чу Юнь и сам не знал, о чем думал, подсознательно желая взять Ши Цзяня с собой.

Но запись к доктору Жуаню была поводом, который Чу Юнь мог принять, давая самому себе возможность отыграть назад.

- Только ты можешь ему верить, - Чу Юнь взял пиджак. - Улыбающаяся лиса, которая использует рот как скальпель.

Это описание было на удивление точным.

Ли Чжися вспомнил доктора Жуаня и, не сдержавшись, улыбнулся остроумию своего господина.

Ши Цзянь увидел это и тоже улыбнулся:

- Доктор Жуань просил передать, чтобы вы заглянули, если будет время.

Чу Юнь усмехнулся:

- Желаящих встретиться со мной и так полно, пусть сначала запишутся в очередь, а потом ждут жеребьевки.

Язык у него был острым, но целовал он нежно.

Он наклонился и поцеловал Ши Цзяня в уголок рта:

- Я скоро вернусь, так что ты...

- Тоже скоро, - покорно ответил Ши Цзянь, давая именно тот ответ, который хотел услышать Чу Юнь.

Чу Юнь остался доволен и широким шагом направился прочь.

Снизу донесся резкий смех, прервавший мысли Чу Юня.

Он нахмурился: даже не глядя, он знал, кто приехал.

Тетушка Чу Ваньчжэнь и дядя Чу Чжунбан.

Стоило этим двоим переступить порог, как они мгновенно оказались в своей стихии: внизу тут же стало шумно, а потоки льстивых речей полились буквально рекой.

Чу Юнь лишь насмешливо усмехнулся, подумав про себя: «Тигр еще жив, а обезьяны уже осмелели и лезут в дом».

Самое строгое из всех громоздких и чопорных правил семьи Чу за долгие годы никогда не менялось.

У власти мог быть только один абсолютный, неоспоримый хозяин.

Вершина власти в Чэньхуа была рассчитана лишь на одного человека: раньше это место занимал отец Чу Юня – Чу Боюань, а теперь его занимал старший брат, Чу Мянью.

Что касается всех остальных, независимо от их ранга, заслуг или статуса, они были обязаны смиренно отойти в сторону.

К сожалению, всегда находились те, кто совершенно не понимал реального положения дел и, получив пару порций дешевой лести на подобном мероприятии, начинали наивно полагать, будто прикоснулись к настоящей власти.

Вот именно за это он и ненавидел подобные сборища. Еще до приезда в резиденцию он позвонил Чу Мянью.

– Я требую соблюдения моих прав человека и с этого года категорически отказываюсь посещать подобные скучные банкеты, – заявил Чу Юнь.

Чу Мянью ответил ему кратко и безжалостно:

– Если ты готов уйти с пустыми руками, я не против.

Не сумев добиться своего от старшего брата, Чу Юнь дважды презрительно усмехнулся и с силой сбросил вызов, пытаясь таким образом продемонстрировать свое гневное недовольство.

К сожалению, современный мобильный телефон – это не старый стационарный аппарат, и у него не было возможности с грохотом положить трубку, чтобы эффектно подчеркнуть свой гнев.

Внезапно смех и разговоры внизу стихли. На губах Чу Юня вновь появилась насмешливая улыбка.

«Дайте-ка угадаю, кто же приехал, заставив всю эту толпу разом замолчать? Ц-ц-ц, какая сложная задача, как же трудно догадаться».

Чу Юнь лениво откинулся на белые нефритовые перила, запрокинув голову с копной черных волос, и действительно увидел Чу Мянью в его неизменном, безупречном черном костюме. За ним, словно тени, следовали двое помощников; они медленно ступили на красную дорожку старой резиденции.

Чу Мянью слегка поднял глаза и заметил своего брата, который, развалившись на перилах и улыбаясь во весь рот, демонстративно нарушал все мыслимые правила приличия.

Чу Юнь намеренно, с вызовом помахал ему рукой, но Чу Мянью просто проигнорировал этот жест и направился напрямиком в главный зал.

Теперь и Чу Юню стало окончательно скучно. Скривив губы в гримасе недовольства, он сунул руки в карманы и неохотно спустился вниз.

На закрытом совещании, проходившем во второй половине дня, имели право присутствовать только самые главные наследники Чэньхуа.

Для Чу Юня это было одно из тех дел, в которых ему приходилось участвовать по необходимости.

Хотя люди за пределами этой комнаты всю жизнь могли мечтать лишь о том, чтобы однажды войти внутрь, к сожалению для них, пока жива семья Чу Мянью, никаких шансов у них не было.

Дядя Чэн был единственным «посторонним», которому дозволялось присутствовать на таком собрании.

Все остальные, кто находился в зале, были помощниками, прибывшими для отчета о проделанной работе.

- ...В этом году глобальные активы выросли на восемь целых семь десятых процента, в основном благодаря росту стоимости недвижимости в Северной Америке и расширению сегмента предметов роскоши в Европе... Медиа-развлекательный сектор также принес значительную прибыль, - докладывал Цзян Кэянь.

Он аккуратно убрал документы и поклонился, завершая свой доклад.

Сун Ичжоу продолжила:

- Чистая прибыль R-Медиа в этом году выросла на двенадцать процентов по сравнению с прошлым годом. Проект «Безымянная птица» принес компании колоссальную брендовую ценность. После того как Ши Цзянь получил «Оскар», общая рыночная оценка компании выросла примерно на тридцать процентов.

Чу Ваньчжэнь внезапно перебила её, вставив свое мнение:

- По-моему, проблем от этого Ши Цзяня гораздо больше, чем реальной прибыли.

Чу Юнь приподнял бровь, не успев даже открыть рот, чтобы ответить.

- А еще этот нелепый шум вокруг галереи «Наследие» - это просто ни в какие ворота не лезет! Галерея - это лицо всей корпорации Чэньхуа, а сейчас младший Юнь превратил ее в какой-то балаган, - Чу Чжунбан с раздражением постучал сигарой по столу. - А-Мянью, тебе действительно стоит наконец навести там порядок.

- Репутация, которую наша семья Чу кропотливо накапливала десятилетиями, - это не игрушка для детей, чтобы ее так бездумно разбазаривать, - праведно и строго заявила Чу Ваньчжэнь. - Я ни за что не потерплю, чтобы кто-то так бесцеремонно топтал доброе имя нашей семьи.

Улыбка на губах Чу Юня становилась все бледнее. Он с трудом удерживал ее в течение нескольких секунд, а затем резко ударил ладонью по столу.

Эту внезапно возникшую глухую тишину прервал взволнованный, почти сбивчивый голос:

- Галерея «Наследие» изначально не создавалась с целью извлечения прибыли, но в прошлом году годовой доход все равно вырос на четырнадцать процентов. Было приобретено множество уникальных мировых экспонатов. Прошлой зимой Наследие совместно с R-Медиа и журналом VGO Jewelry создали комплект «Звездная ночь», и сообщения об этом вызвали крайне позитивный рыночный отклик, что благотворно сказалось на имидже всей группы. Выставка «Слеза рассеянного света» значительно повысила ценность коллекции и успешно привела к новым приглашениям о сотрудничестве на самом высоком международном уровне...

Ли Чжися не смел поднять головы, выпалив все это на одном дыхании, отчего едва не задохнулся.

В самом конце он тихо, почти шепотом добавил:

- Это... это вряд ли можно считать негативной ситуацией.

Он так сильно нервничал, что ему хотелось начать ковырять пальцы, но он изо всех сил сдерживался. Ли Чжися подсознательно взглянул на Цзян Кяня и, увидев, что выражение лица того осталось абсолютно неизменным, немного успокоился.

В комнате воцарилось странное, тяжелое молчание.

Чу Юнь снова улыбнулся и с нескрываемым любопытством посмотрел на Ли Чжися.

Почувствовав на себе взгляд младшего господина, Ли Чжися тут же от радости расплылся в улыбке, но, внезапно осознав, что в данной обстановке улыбаться категорически нельзя, поспешно сдержался, что выглядело весьма комично.

Это окончательно рассмешило Чу Юня.

Он расслабился и снова с комфортом откинулся на спинку стула:

- Тетушка и дядя уже в таком почтенном возрасте, а так сильно беспокоитесь о чужих вещах. Вместо этого лучше бы позаботились о своих собственных активах. А если уж вам совсем не терпится, можете лично поехать в галерею «Наследие» и устроить там полную проверку. Только боюсь, тетушка, если вы посмотрите на все эти безделушки, у вас в глазах зарядит, и это выйдет вам себе дороже.

Чу Ваньчжэнь в ярости воскликнула:

- Младший Юнь, что ты такое говоришь?!

- Активы семейного траста в этом году выросли на девять процентов, дивиденды остаются прежними, - спокойно произнес Чу Мянью, обернувшись к присутствующим. - Дядя Чэн, можно подавать ужин?

Дядя Чэн встал и изящно поклонился:

- Старший господин, можно начинать банкет.

Не успел он договорить, как Чу Юнь, даже не оглядываясь, направился к выходу. Ли Чжися, испугавшись, торопливо кланяясь всем вокруг, поспешил следом за ним.

- А-Мянью! - окликнула его Чу Ваньчжэнь, а затем перевела взгляд на Чу Хуан, которая все это время хранила молчание. - Хуан-хуан, ты тоже позволяешь ему так своевольничать!

- Тетушка, как дочь, не имеющая права голоса в этой семье, я воздержусь от каких-либо комментариев, – голос Чу Хуан был непривычно мягким, пока она обводила взглядом присутствующих. – В конце концов, не я здесь хозяйка.

Когда она в свое время решительно и самостоятельно создавала R-Медиа, она не слышала от них ни единого слова уважения к своему мнению.

- Раз уж у каждого из нас свои мысли, зачем каждый год мучить друг друга этими совместными обедами? – она встала и аккуратно поправила рукава. – Я зарабатываю свои деньги тяжелым трудом, и мне нельзя опаздывать, так что прошу прощения, – сказав это, она решительно вышла из комнаты.

- На кого они все стали похожи! – Чу Чжунбан с силой ударил по столу. – Если бы отец и старший брат были живы, разве позволили бы они вам так распускаться?!

Дядя Чэн слегка нахмурился:

- Господин Чжунбан, это крайне невежливо.

Чу Чжунбан осекся, и выражение его лица стало крайне неприятным.

Чу Ваньчжэнь усмехнулась и посмотрела на Чу Мян:

- Посмотри на своего хорошего брата, он не дает семье покоя. Ты так его защищаешь, но не забывай: если репутация семьи рухнет, ты пострадаешь больше всех.

Чу Мян спокойно ответил:

- У галереи «Наследие» и R-Медиа есть свои хозяева, боюсь, мне не стоит вмешиваться в их дела.

От этих слов лица присутствующих стали еще мрачнее.

Если сам глава Чэньхуа говорит, что «ему не стоит вмешиваться», то кто в таком случае должен это сделать?

- К тому же, доли акций, которыми владеют тетушка и дядя, в совокупности не влияют ни на какие управленческие решения, поэтому беспокоиться об этом действительно нет никакой нужды, – Чу Мян медленно встал.

Его тон был настолько спокойным, что его вполне можно было назвать ледяным:

- Как вы и сказали, если Чэньхуа понесет убытки, это отразится только на мне. Финансовые потери, которых вы так боитесь, на самом деле не существуют.

Его выражение лица было настолько серьезным и беспристрастным, что у присутствующих буквально запылали лица от смущения и гнева.

Слова, которые он произнес, не содержали никаких прямых оскорблений, но от этого ситуация становилась еще более неловкой:

- Потому что вы не несете никаких операционных рисков, а только пользуетесь полученной прибылью.

- А теперь, - Чу Мянью обернулся, - дядя Чэн, я могу приступить к ужину?

Дядя Чэн почтительно ответил:

- Конечно, вы - глава семьи.

Чу Юнь, тихо ругаясь, вышел из старой резиденции и в сердцах пнул несколько цветочных горшков, стоявших вдоль дорожки. Можно было легко представить, как дядя Чэн потом будет читать ему бесконечные нотации.

Но ему было уже совершенно все равно.

И галерея «Наследие», и само упоминание Ши Цзяня в таком контексте вызывали у Чу Юня настоящую ярость.

Когда он сел в машину, даже она, казалось, вздрогнула от его грубых, резких движений.

Ли Чжися, оставшийся на некоторое время улаживать дела, подбежал к нему и первым делом доложил:

- Я почтительно попрощался с господином Чу, старшей госпожой и дворецким Чэном.

- Садись, - холодно бросил Чу Юнь, с силой закрывая окно.

После того как машина тронулась, Ли Чжися не успел даже отдышаться и не смел громко дышать, боясь, что любой случайный звук может окончательно разозлить господина.

Он прекрасно понимал нынешнее состояние Чу Юня.

- Выпиши себе премию.

Что?!

Ли Чжися был совершенно потрясен и, скованно повернув шею, обернулся к нему.

Торжественно и сдержанно, с какой-то особенной трагичностью, словно перед выходом на поле боя, он спросил:

- Сколько выписать?

Чу Юнь усмехнулся его непутевости:

- Выбери любую цифру, которая тебе нравится.

- Хорошо, господин, - Ли Чжися попытался сдержаться, но не до конца.

Он снова спросил:

- А какая причина будет указана в отчете для учителя Цзяна?

Чу Юнь снова посмотрел на него с выражением: «Только показался мне немного смышленным, как опять начинаешь глупить».

Он произнес всего несколько слов:

- Мне так нравится.

Ли Чжися достал блокнот и старательно, каллиграфическим почерком записал:

«Выписать Ли Чжися премию в 100 000 000 (вычеркнуть несколько нулей, прошу утвердить) юаней. Причина: младшему господину так нравится».

Он всерьез подумал, что старший Цзян должен понять такую формулировку.

Чу Юнь смотрел в окно, думая: «Интересно, тот, кому я обещал "скоро вернуться", уже дома?»

<http://bllate.org/book/17941/1720625>